

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В АВСТРАЛИИ*

**Светлана Ивановна
ЛАЗАРЕВА**, кандидат
исторических наук

**Олег Игоревич
СЕРГЕЕВ**, кандидат
исторических наук

В последние годы появилось значительное количество как отечественной, так и зарубежной литературы, посвященной различным аспектам жизни и деятельности российского зарубежья. Однако, если причины переселения за пределы России исследованы относительно полно, то количественные параметры миграционных процессов, выявление основных районов выбытия и вселения, этническая структура эмиграционных потоков изучены явно недостаточно.

Остается слабо изученным звеном вопрос о появлении русских в Австралии. Поэтому основная задача исследователей проблемы состоит в сборе и критическом осмыслении имеющихся статистических источников, опубликованных документов и литературы по российским эмигрантам, прибывшим на пятый континент в разное время. Такая работа позволит установить численность и этнический состав российских эмигрантов в Австралии, определить место и роль населения России в заселении этой страны.

Если отечественные специалисты только переходят от накопления материала к объективному его изложению, то западных исследователей эта тема привлекает давно. Результатом многолетних исследований и своего рода обобщающим трудом является работа директора Австралийского Центра в Канберре Чарлза Прайса.

Не останавливаясь на подробном анализе экономических и политических причин, лежащих в основе эмиграционных процессов, автор главное внимание акцентирует на таких важных проблемах, как основные этапы переселения россиян на пятый континент, численность выходцев из России и СССР, анализ мест рождения, выхода и размещения российских эмигрантов в Австралии (выделяя особо выходцев из Китая), трудовая и профессиональная их деятельность, характеристика семейных отношений, смешанные и русские браки, вопросы влияния этнической культуры на сохранение русскими прежнего гражданства и других проблемах, слабо освещенных как в зарубежной, так и отечественной литературе.

При исследовании Ч. Прайсу пришлось столкнуться с рядом трудностей, и прежде всего с отсутствием опубликованной статистики, касающейся толь-

* На основе книги Ч. Прайса «Русские в Австралии: демографический обзор» // Россия и пятый континент. Аспекты русско-австралийских отношений. Университет Квинсленд Пресс, 1922. Англ. яз.

ко этнических русских. Перепись населения в Австралии, проведенная до первой мировой войны, дает сведения о лицах, родившихся в Российской империи, без какой-либо их градации. После 1920 г. официальная статистика показала отдельно Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Категория с местом рождения «СССР» в австралийской статистике все еще включает в себя Белоруссию, Молдавию, республики Кавказа и РСФСР.

Очень сложен вопрос о численности российских эмигрантов. Многие исследователи пытались установить точное число людей, которых в годы после первой мировой войны считали русскими беженцами. В результате появилось несколько цифр, но ни одна из них не стала общепринятой. Вопрос правового статуса беженцев многие годы оставался открытым, вызывая споры относительно того, кого вообще следует считать беженцем или эмигрантом. Отсутствие не только точных, но порой каких бы то ни было документов о количестве людей, покинувших Россию и затем скитавшихся по миру, технически затрудняет или вообще делает невозможным любые достоверные подсчеты.

Препятствия в решение вопроса о численности русских эмигрантов в Австралии, особенно в постреволюционный период, вносит и тот факт, что в 1947—1952 гг. Австралия дала согласие Международной организации ООН по делам беженцев и перемещенных лиц разместить у себя людей не только из европейских стран, но и из государств Восточной Азии, Ливана и Дальнего Востока. В результате в страну прибыло значительное число беженцев, среди которых оказалось немало «белых» русских из Китая, которые, опасаясь победы коммунистов в этой стране, обратились к представителям Международной организации в Шанхае с просьбой помочь им выехать в Австралию. И в 1947—1952 гг. в страну, по подсчетам Ч. Прайса, прибыли более 182 тыс. беженцев. Среди тех, кто оказался в конце 40-х годов в Австралии, были представители разных национальностей, но сколько человек из них являлись этническими русскими или теми, кто определялся как русский (согласно переписям населения), трудно сказать.

Однако вдумчивая и кропотливая работа с имеющимися источниками, глубокий анализ позволили Ч. Прайсу дать объективную оценку эмиграционным потокам в Австралию и сделать важные выводы по демографической истории поселения русских на пятом континенте с 80-х годов XIX в. по 80-е годы XX в. Выделяя в русской эмиграции в Австралию пять волн, он дает довольно подробную социально-демографическую характеристику каждой из них, определяя как общее, так и особенное в составе эмиграционных потоков. Первая волна — поселенцы и изгнанники (ссылные), прибывшие в страну накануне первой мировой войны; вторая — «белые» русские, попавшие в Австралию в годы гражданской войны; третья — перемещенные лица; четвертая — русские эмигранты из Китая периода 50-х — 80-х годов XX в. и позднее; пятая — евреи, появившиеся в стране в середине 70-х годов XX в. Проводя анализ численности русских эмигрантов, прибывших в Австралию в разные годы, автор указывает на различия дореволюционных и постреволюционных процессов переселения. До 1917 г. в Австралии на протяжении многих лет сохранялась тенденция эмиграционного прироста за счет России: в 1871 г. — 720 чел.; в 1881 г. — 1308 чел.; в 1891 г. — 2970 чел. и т.д. (с.54).

Что касается постреволюционного периода, то вплоть до второй мировой войны в русских общинах, разбросанных по стране, этнически русское население было небольшим. В послевоенный период число русских в Австралии

возрастает. В 1947 г. в его состав входили 2500 русских, из них около 1800 чел. родились в России, 700 чел. — в Китае или других странах, или в Австралии (с.72).

В 1948—1952 гг. рост числа беженцев происходил за счет послевоенных эмигрантов и перемещенных лиц из европейских стран, Ливана и Дальнего Востока. Определяя количество русских, автор учитывает, что в статистике по вопросам национальной принадлежности и месторождения, опубликованной в списках Австралийской эмиграции и Австралийской переписи, имеются расхождения в цифровых данных. Согласно указаниям Международной организации ООН по делам беженцев, более точные цифры были получены в результате соединения национальности, страны постоянного места жительства и этнической идентификации каждого человека. Эти цифры и используются. Они показывают, что в указанный период Австралия приняла 19607 украинцев (многие из них родились в довоенной Польше), 670 белорусов и 4944 русских. Большинство из прибывших являлись выходцами с Дальнего Востока. Австралия разместила у себя также 2900 беженцев из Шанхая и с о-ва Самар, большинство которых составляли русские (с.72).

В книге охарактеризованы эмиграционные потоки из Китая. Движение беженцев оттуда в Австралию самым сильным было в 50-х — начале 60-х годов, затем оно постепенно снизилось. С 1975 г. количество эмигрантов снова возросло, достигнув своего пика (почти 2 тыс. чел. в год) в 80-х годах.

В период между серединами 50-х годов и сер. 80-х годов в Австралию прибыли более 21 тыс. русских и белорусов, около 15 тыс., главным образом русских, были из Китая. Переместившиеся в 50-х годах в большинстве своем являлись выходцами из старых харбино-шанхайских групп. Более поздние эмигранты приезжали из других русских колоний Китая: провинции Синьцзян (небольшое количество «белых» русских нашли здесь прибежище после 1917 г.), к ним присоединились русские, осуществлявшие приграничную торговлю между Китаем и районом Ташкент — оз. Балхаш советского Казахстана, группы староверов, баптистов, адвентистов и других религиозных сект, покинувших Россию из-за того, что их религиозные верования не соответствовали религиозной политике советского государства. Среди прибывших были эмигранты из Северной Маньчжурии, городов, расположенных вдоль северной ветки КВЖД, Трехречья (преимущественно казаки — уроженцы района оз. Байкал).

Для создания полной, без изъятий картины русской эмиграции в Австралию необходим тщательный анализ мест рождения и выбытия беженцев, рассмотрение проблемы натурализации.

Ни в одной из стран Старого Света правительственная политика и традиции не предполагали автоматической натурализации, характерной для США и некоторых латиноамериканских государств. Сами русские не предпринимали серьезных попыток получить новое гражданство, рассчитывая когда-либо вернуться в Россию. Субъективно идея получения нового гражданства создавала новые сложности дополнительно к тем объективным препятствиям, которые принявшие эмиграцию страны чинили на пути натурализации. По подсчетам Ч. Прайса, из центральной части России, республик Кавказа, Урала и Азии с 1904 по 1947 г. натурализовалось 844 чел., и прибыли они из более чем 180 городов и деревень, протянувшихся с севера на юг, от Архангельска до Баку — на западе; от Петропавловска-Камчатского до Владивостока — на востоке; и с востока на запад, от Николаевска-на-Амуре до ныне Санкт-Петербурга (с. 56).

Исследуя процесс появления русских в Австралии, автор оставляет вне сферы своего внимания беженцев, родившихся в Финляндии, Польше и прибалтийских государствах (где имелись группы русского населения со времен

их существования в составе Российской империи), поскольку более существенное значение для него имела сама Россия (республики Кавказа, Урал, азиатская часть страны).

Анализ документов показывает, что больше всего ранних поселенцев прибыло из западных районов России и, в частности, из таких городов, как Санкт-Петербург, Архангельск, Ейск, Батуми. В 1906—1916 гг. большое число людей были из Москвы, с Волги, Урала, из Азиатского региона.

После гражданской войны основная часть русских бежала в страны Западной Европы, лишь немногие выехали в Австралию. Чаще всего эмигранты направлялись на восток, в Китай, где, объединяясь с русскими семьями из российской общины, образованной в Северной Маньчжурии в период строительства КВЖД еще до 1917 г., потом двигались в Австралию. В их число входили те, кто родился в Харбине в период между 1905 и 1920 гг., кто, будучи ребенком, попал в Австралию вместе со своими родителями. Были среди них и совершеннолетние юноши, эмигрировавшие в страну самостоятельно. В эти же годы сравнительно немного эмигрантов прибыли из русских общин Пекина и Шанхая, возросших в годы гражданской войны не только за счет «белых» русских, но и за счет общего движения эмигрантов на юг, вследствие изменения политических условий на КВЖД в начале 20-х годов (КВЖД признавалась коммерческим предприятием, управляемым и Китаем, и советской Россией). В эти же годы прибыли эмигранты из Трехречья. Автор особо выделяет небольшую группу казаков с Урала, беженцев из Сибири — Томска и Енисейска.

Россияне прибывали в Австралию не только непосредственно из России, но и через другие страны — Великобританию, США, Китай, Японию и др. Так, за период с 1861 по 1940 г. непосредственно из России в Австралию прибыли только 39% эмигрантов, а остальные появились здесь лишь после того, как провели какое-то время в Западной Европе, Америке, странах Азии — Китае, Японии, Индии и Персии.

Называя причины, побудившие значительное число россиян покинуть Россию, Ч. Прайс подчеркивает, что среди беженцев, попавших в Австралию как до, так и после 1914 г., преобладали политические изгнанники, бежавшие от царских репрессий. Многие же из тех, кто поселился в стране в годы гражданской войны, по определению автора, являлись «белыми» русскими или их сторонниками, боровшимися с «Красной революционной армией» и вынужденные бежать с территории России в связи с победой большевиков.

Значительное место в работе отведено вопросам размещения эмигрантов из России. Документы показывают, что основная масса россиян до и после первой мировой войны поселилась главным образом в штатах Новый Южный Уэльс и Квинсленд. По подсчетам автора, они составили около 30% всех поселенцев, 3/4 из них осели в городе-порте Сиднее, городах Ньюкасл, Наураштан (Новый Южный Уэльс). Около половины русских эмигрантов разместились в Квинсленде — штате-фаворите. Это объяснялось не только тем, что он ближе всего находился к Китаю, но и тем, что здесь уже имелись поселения русских. Около 40% поселились в городе-порте Брисбене, почти каждый десятый русский осел в городах Ипсуич и Даунс этого штата. Около 5% эмигрантов направились в западные города Австралии — Ролгу, Блэколл, Маунт-Айза и др. Примерно четверть из них поселились на восточных равнинах от Мэриборо до Маккая, а пятая часть — в регионе от Бауэна и далее на север. Небольшие колонии русских имелись в Кордалбе (недалеко от Мэриборо), в Тангуле, Билоеле и Брисбене.

Ч. Прайс отмечает одну из особенностей переселения россиян — не все русские сразу оседали на одном месте, некоторые из них сначала долго путешествовали по стране прежде чем окончательно поселиться в каком-либо городе. Автор приводит множество примеров, когда русские рабочие из Казани, Ленинграда и Владивостока, поездив какое-то время по многим городам Австралии, побывав в Мельбурне, Аделаиде, Бандаберге, Моргане, лишь потом окончательно оседали или в Мельбурне, или Джиралдтоне, или Бандаберге.

Однако модель расселения русских эмигрантов позднего времени сильно отличалась от модели более ранних лет. Можно предположить, что в более позднее время многие эмигранты прибыли по системе контрактов Международной организации по делам беженцев и были обязаны в течение двух лет работать и проживать в определенных правительством Австралии местах, чего не требовалось довоенным русским поселенцам. Но к июню 1954 г. срок контрактов у более чем 95% эмигрантов истек, и они осели в тех районах, где им нравилось. Несколько таких семей поселись в Квинсленде, значительно больше их осели в Мельбурне и Сиднее. Самая большая группа поселенцев 80-х годов разместились в Сиднее (8500 чел.), в основном они располагались в пригородах.

Другая группа беженцев расселилась в восточных районах провинций Рэндвик и Уоверлей. Самое большое число русских (около 7500 чел.) разместились в городе Мельбурне, в трех его районах: Саншайн — Кэйлор — Бродмедовс (северо-западная часть); Прахран — ст. Килда — Каулфилд (юго-восточная часть) и Ньюнавейдинг — Уоверлей — Данденонг (восточная часть). В Данденонге располагалось большое количество русских — уроженцев Китая. В Брисбене находилась группа русских численностью около 1400 чел., многие из которых проживали в самоуправляющихся районах города — Восточном Брисбене, Вуллонгабле и Аделаиде.

Во всех городах, где поселились россияне, были организованы русские социальные институты: церкви, клубы, различные благотворительные организации. Штаб-квартиры этих институтов располагались в городах, а не в пригородах, где проживала основная масса русских эмигрантов.

Анализ трудовой и профессиональной деятельности русских эмигрантов показывает, что прибывшие до и после первой мировой войны были людьми разнообразных профессий — инженеры, механики, плотники, фотографы, парикмахеры, т. е. «простыми людьми». Одни из них занялись созданием птицеферм в западных окрестностях Сиднея, становились сельскохозяйственными рабочими по выращиванию хлопка (Билоела — Тангул — Кэйлид), тростника. Другие устраивались служащими на железную дорогу, работали в шахтах горняками и механиками.

Статистические данные, приводимые Ч. Прайсом, показывают, что 5% мужчин являлись коммерсантами или конторскими служащими или скрывали свои профессии; 37% — ремесленниками или операторами; 32% — обычными рабочими. Остальные — пожилые и непригодные к труду люди.

Интересны сведения о женщинах. 18% их рассматривались как домохозяйки, 17% работали ремесленниками и операторами службы связи, а остальные были сельскохозяйственными или промышленными рабочими. Не менее 6% являлись профессиональными воспитательницами.

Отличительной чертой 80-х годов стало прибытие в страну более квалифицированных специалистов по сравнению с теми, кто родился в Австралии. Перепись 1981 г. показывает, что 16% мужчин в возрасте 15 и более лет

имели дипломы и ученые степени; 27,5% — сертификаты по торговле и свидетельства по другим профессиям, в то время как у родившихся в Австралии эти показатели составляли соответственно 9,6% и 24,7%.

То же самое можно сказать о женщинах, родившихся в России. Из них 11,3% имели ученые степени и дипломы по сравнению с 0,8% российских женщин, родившихся в Австралии. Однако Ч. Прайс подчеркивает, что это превосходство русских женщин не отражалось на их трудовой компетентности.

Различались россияне — эмигранты и русские австралийцы и по областям применения своих профессиональных знаний: первые, как правило, выполняли административные и высокооплачиваемые работы, а вторые, наоборот, концентрировались в группе торговцев, рабочих технологического процесса. Однако в трудоустройстве русских эмигрантов могла наблюдаться и некоторая дискриминация.

Очень подробно Ч. Прайс характеризует семейные отношения. Из его анализа видно, что из числа прибывших холостяками до 1917 г. каждый третий женился в среднем через 7 лет, другие же оставались холостяками в среднем в течение 10 лет, 15% из них были холостяками после 20 лет жизни в Австралии (с.71). Продолжительное одиночество можно объяснить подвижным образом жизни многих горняков и золотоискателей из числа русских.

Прибывшие в страну после 1917 г. отличались от своих предшественников: 40% эмигрантов были уже женаты в среднем в течение 6 лет, в то время как доля холостяков после 20 лет жизни в стране составляла только 3% (с.71).

О различиях в семейных отношениях дореволюционных и постреволюционных переселенцев говорят следующие цифры: после 1917 г. прибыли в Австралию женатыми 42% мужчин, а до революции — только 23%. По мнению автора, так получилось отчасти потому, что постреволюционные эмигранты были старше. Средний их возраст составлял 29 лет по сравнению с 25 годами у эмигрантов, прибывших до 1917 г.

Модели семьи также были различными: среди прибывших до революции холостяками и создавших семью на месте более 80% были женаты на нерусских женщинах. Смешанные же браки прибывших в более поздний период составляли только 35%. Это говорит о немногочисленности русских общин в Австралии до революции, в них мужчин было больше, чем женщин. Так, в 1911 г. на каждые 100 русских мужчин приходилось 30 русских женщин. К 1947 г. на каждые 100 русских мужчин имелось уже почти 80 русских женщин, родившихся либо в Китае, либо в Австралии (с.71). Такое положение сохранилось и во втором поколении русских эмигрантов.

Существовали различия и в размере семьи. Семьи, складывавшиеся в течение 10 лет, в которых супруги были русскими, имели в среднем 2,6 детей, а смешанные семьи (муж русский, а жена нерусская) — 3,8 детей (с.72). Эта разница в количестве детей в значительной степени являлась следствием сначала замедления и прекращения, а затем резкого увеличения переселения русских в Австралию. Было немало таких мужчин, которые прожили в стране более 10 лет, прежде чем смогли привезти своих жен или невест. Смешанные семьи меньше всего затронул перерыв в миграционном процессе.

Что касается беженцев, прибывших в Австралию с конца 1947 г. до начала 1952 г., то они в основном были женатыми и приезжали с семьями.

Анализируя состав беженцев 80-х годов, автор подчеркивает, что русские пары имели меньше детей, чем австралийцы: в среднем 2,6 ребенка у каждой родившейся в России матери по сравнению с тремя детьми у всех

матерей, родившихся за рубежом, и 3,3 ребенка у матерей, родившихся в Австралии.

Это было характерно для женщин всех восточноевропейских групп. Суровые условия жизни в эмиграции, раздельное проживание супругов накладывали отпечаток на размер семьи. Многие семьи распались. Этот процесс имел отношение также к английским, немецким, американским и новозеландским бракам.

Характеризуя смешанные браки, Ч.Прайс говорит, что у вступивших в брак лиц разных национальностей было много общего, больше любви в начале эмиграции по сравнению с такими браками в 20—30-е годы, когда только 35% русских мужчин женились на нерусских женщинах (с.77).

После второй мировой войны доля смешанных браков составила в среднем для мужчин 65% и для женщин — 64%, а в целом — 60%. Не все эти браки были с австралийцами англо-кельтского происхождения, 2/3 русских состояли в браке с эмигрантами из других стран, главным образом с европейцами.

Во втором поколении число смешанных браков было значительно больше и достигло почти 80% (с.77).

С семейными отношениями связана и проблема языка общения. Как показывает цифровой материал, общим языком для смешанных браков обычно являлся английский язык.

Языковая статистика переписи 1982 г. свидетельствует, что большинство русских эмигрантов дома общались на английском языке, причем чаще мужчины прекращали общаться на русском языке дома и лучше говорили на английском, чем женщины. В семьях второго поколения русских эмигрантов сравнительно немногие общались на русском. Маловероятным представляется сохранение русского языка в общении в третьем и более поздних поколениях, если родители второго поколения не ориентировали своих детей на обучение в русских школах или специальных классах по изучению русского языка. И, делает вывод автор, сохранение этнической культуры в наши дни оказалось малоэффективным с точки зрения влияния на выбор гражданства: в 1981 г. около 84% эмигрантов, родившихся в СССР, являлись австралийскими гражданами.

Подводя итог сказанному, хочется подчеркнуть, что все вопросы, рассмотренные Ч. Прайсом в его работе, вносят значительный вклад в изучение сложных и слабоизученных проблем российской эмиграции. Сделана удачная попытка определить численность русских эмигрантов в Австралии в дореволюционный и постреволюционный периоды, дать им социально-демографическую характеристику и показать их роль и влияние на формирование производственной и социально-бытовой культуры австралийцев.

SUMMARY. «Russian Emigrants in Australia» is the title of the article by Candidates of Historical Sciences O. Sergeev and S. Lazareva. The article deals with some aspects of the life of Russian emigrants in Australia. In particular, the authors comment upon the book by Ch. Price «The Russians in Australia»... They underline that problems, which Ch. Price elucidates in his book, make some contribution in complicated questions of the Russian emigration.